

О. В. Пашко

ОБРАЗ ГУСЯ В ТВОРЧЕСТВЕ НИКОЛАЯ КЛЮЕВА (К АНАЛИЗУ ОРНИТОЛОГИЧЕСКОГО КОДА)

К теме, связанной с анализом образов птиц в творчестве Николая Клюева, обращались многие. Мы же в этой статье подробнее остановимся, во-первых, на характеристике *гуся* (*гусыни*), во-вторых, рассмотрим в связи с этим мотивные комплексы клюевского орнитологического кода. В ходе работы мною было обнаружено действительно огромное количество наименований птиц — 98, включая сказочных (список отдельно приводится в конце работы). Уже такой огромный материал свидетельствует о важности данного аспекта при изучении поэтики Николая Клюева.

В связи с образом *гуся* проявляется характерный для поэтики Клюева **антропологический код**. Многократно в стихотворениях мы встречаем отождествление **женщины** и птицы, в частности гусыни, например: «*гусыня-мать*» (3, 731) [1], или в «Плаче о Сергее Есенине» мать поет песню: «Ты, *гусыня белая*, / Что сегодня делала? <...> На *гусенышке* пушок, / Тега мальчик-кудряшок» (3, 660) [2], и даже «*гумно — гусыня матерая*», «*матка созвучий*» (3, 464). Подобные отождествления лежат в русле фольклорной традиции. Сравнение человека и птицы широко распространено в свадебных песнях, где птичьими символами девушки чаще всего являются *ласточка*, *утка*, *голубка*, *лебедь*, *перепелка*, а мужчины — *сокол*, *ястреб*, *орел*, *воробей*, *соловей*, *селезень* [3].

Теперь рассмотрим, с какими частями тела связывается гусь. Во-первых, с **глазами**: «Резчик Олѣха — лесное чудо, / Глаза — *два гуся*, надгубье рудо, / Повысек птицу с лицом девичьим, / Уста заклѣты потайным кличем. <...> Заполовели у древа щеки, / И голос хлябкий, как плеск осоки, / Резчик учуял: «Я — Алконост, / Из глаз *гусиных* напыюся слез!»» (3, 671). Причем мы обнаруживаем следующий мотив — *птица пьет слезы из глаз*. Как известно, в христианских текстах широко используется такой троп, как *омыться слезами*, *очиститься через плач*, *слезная молитва*. Автор древнерусского трактата XVII века «О человечестве естестве. О видимем и невидимем» пропел плачу настоящую хвалу: «плачь лукавыя мысли прогоняет. <...> плачь греховныя похоти отсекает. <...> плачь добродетели исправляет. <...> плачь доброумие вводит. <...> плачь душу облегчает к высоте. <...> плачь греху искоренение. <...> плачь души очищение — роса бо есть небесная и капля дождевая в душевныя плоды» [4]. Важно указать и на один скопческий стих, в котором следующим образом характеризуется сманенная из рая птица: «Из очей слез реки лейте: / Птицу райскую лелейте! / Птица любит слезы пить, / И научит вас как жить, / Как живому Богу служить, / На земле жить не тужить, / Хоть головушку сло-

жить, / Да отцу верно послужить, / Верным праведным угодить, / Свою душу украсить...» [5].

Также находится гусь в сердце [6]: «Ему открыт рецепт искусный, / Как в сердце разводить *гусей*» (3, 801-803). А сердце, как известно, являетсяместищем души, которая традиционно предстает в облике птицы. Приведем примеры, иллюстрирующие тождество гуся и души применительно к клюевскому тексту: «Иль на отход души блаженной, / Чтоб *гусем* или *чайкой* пенной / Летела чистая к Николъ, / Опосле в сельдяное поле / Отведать рыбки да икрицы...» (3, 782), «Потянуло душу, как *гуся*, / В голубой полуденный край; / Там Микола и Светлый Иисусе / Уготовят пшеничный рай!» (1, 412), «Покойные солдатские душеньки / Подымаются с поля убойного <... > В Божьих воздухах синью мерещатся, / Подают голоса лебединые, / Словно с озером *гуси* отлетные, / С свято-русской сторонкой прощаются» (1, 331), «Пусть душа — сизый северный *гусь* — / Облетит непомерную Русь, / Здесь вспарит, там обронит перо — / Песнотворческих дум серебро, / И свирельный полет возлюбя — / Во святых упокоит себя!» (3, 287). Интересно, что гусь являлся обозначением праведников-староверов: «*Гусь* бо такову премудрость имать: егда отлетает отсюда къ теплому морю и прилетает къ горамаъ, въ них же водятся плотоядныя птицы, орлы и ястребы, они же возьмутъ по каменю въ зубы и молкомъ оныя горы пролетаютъ и тако отъ снеди ихъ уходятъ. Сице и человекъ, аще видить плотоядныя птицы, сиречь лютыя еретики, ижи снедают душа наша купно же и телеса наша сожигаютъ; возьмемъ же и мы камень в зубы, сиречь крепость молчанию и пролетимъ и мы жизнь сію» [7].

На последней цитате из стихотворения «Молитва» (см. выше — 3, 287) хотелось бы остановиться подробнее. Материал одного индийского мифа, интерпретируемого А. А. Потемной в статье «О связи некоторых представлений в языке», поможет нам объяснить еще одно встречающееся в текстах Н. Клюева отождествление слова, поэта и птицы, а также пера птицы и поэтического слова. «Сочетание представления *пера* и *листа* играет важную роль в одном индоевропейском мифе, в который, если не ошибаемся, вплетается и сочетание пера и слова. Миф этот в своей индийской форме состоит в том, что Индра в облике сокола похищает в пользу богов и людей напиток бессмертия (амртам), находящийся во власти одного из враждебных демонов (асуров) Сушны. Индра есть громовое божество, быстрая и потому представляемая птицею громовая стрела; амрта, иначе сома, божественный напиток, от которого происходит и земной мед у славян и германцев, есть живая вода, животворный дождь, извлекаемый грозой из туч, скрывавших его. При дальнейшем развитии Индра заменяется олицетворенною силою людской молитвы... и что для нас важно, даже одною из внешних форм молитвы, особенно чтимым ведическим размером гаятри. <... > Гаятри (собственно песня), оборотившись соколом, похищает для богов и мудрецов сому (олицетворение живой воды). Сторож

сомы посылает соколу вдогонку стрелу и выбивает у него перо из крыла. Перо (парна), упавши на землю, становится листом и священным деревом (парна), которое сохраняет чудесные свойства сомы...» [8].

В этой же связи хотелось бы привести цитаты из стихотворения «Статья в широченных «Известиях»»: «песни-гуси», «гумно — гусыня матерая / Гогочет... / «Я — Матка созвучий, столетняя, хворая, / Яйцо мое — тайна с судьбиной народной!»» (3, 464). Да и созвучность слов «гуси» и «гусли» объясняет многое в уподоблении *слова* и *гуся*.

Примеры того, что Н. Клюев-поэт отождествлял себя с птицей [9], многообразны, вспомним некоторые: названия стихотворений «Воронья песни», «Песнь Гамаюна», проза «Гагарья судьбина». По-видимому, не последнюю роль в формировании подобной образности сыграл тот факт, что фамилия «Клюев» близка к слову «клев». С мотивами **клевания**, **щипания гуся** и **аиста** связана эротическая символика [10]. Аналогичное значение имеет часто встречающийся у Клюева мотив топтания, терзания плоти, в активной роли тут выступает хищная птица, которая, к тому же, нередко символизирует Дух [11]. Не тут ли завязь того авторского представления о птице как символе Животворящего Слова, оплодотворяющего и преображающего через смерть-воскресение, и Его служителя поэта, при этом с отчетливо выраженным биографическим подтекстом в связи с фамилией Клюев [12]?

В поэтическом мире Клюева птица нередко сравнивается как с **избой**, так и с отдельными частями внутреннего пространства дома. Примеры, приведенные ниже, могут прокомментировать наше положение. Отождествление **избы**, **Вселенной**, **Мирового Древа** и **птицы** закономерно и объяснимо. Например, наверхия избы соотносились с птицами, а печной столб уподоблялся *arbor mundi* [13]. «Связь крыши с космическим верхом подчеркивается солярной символикой орнамента подзоров, различного рода наверхий, изображающих птиц, аналогичных оформлению верхушки мирового древа. <...> Кроме всего прочего, внимание уделялось силуэту крыши, который акцентировался такими деталями, как *курицы* и *коньки* (ср.: «*Курица и конь на крыше — в избе тише*»)» [14].

Но не только свои представления о структуре мира воплощал «строитель-духовидец» при постройке избы, он также видел в доме нечто живое: «Связь с живым настолько существенна и значима для дома, что ему приписывают признак мертвый, то есть бывший когда-то живым (а не неодушевленный, нежилой)... Живое существо <...> обычно домашнее животное больших размеров или домашняя птица женского пола (корова, кобылица, курица). Следующий шаг — отношение дома к людям, как матери к детям, которых она охраняет. Признак женский, материнский не только подчеркивает защищающую функцию дома, но и содержит уподобление внутренности дома материнскому чре-

ву <...> дом с людьми загадывается через наседку с цыплятами» [15]. Итак, изба — это нечто живое, в частности птица.

Также следует упомянуть еще один момент, расширяющий наши представления о связи дома, человека и птицы, он реконструируется по материалам, приводимым Т. В. Цивьян. Загадки о душе в теле человека могут кодироваться на уровне дома и птицы следующим образом: душа — птица, заключенная в дом, комнату, сундук, клетку [16].

Особо стоит остановиться на тождестве дома и птицы в связи с ритуалом строительной жертвы. То есть когда возводили избу, ради ее дальнейшего благополучия надо было принести в жертву какое-то живое существо: «Всякий дом должен быть выстроен на чью-либо голову из живущих» [17]. Вначале это был человек, постепенно он заменялся животным или же сосудами с разной пищей. Если говорить о птицах, то чаще всего в роли жертвы выступал петух или курица [18]. А. Н. Афанасьев, рассматривая религиозно-языческое значение избы славянина, приходит к выводу, что: «В глубокой древности каждый род у славян имел своего пената. И этим пенатом был очаг» [19]. Далее ученый предполагает, что само название «изба», «кистпка (истба)», происходит от глаг. «топить (из-топить)», то есть именно очаг был самым священным местом в доме, там возжигали божественный огонь, поэтому изба становилась не просто домом, а храмом. В ходе развития язычества произошла антропоморфизация огня, он стал домовым, а впоследствии петух, кочет, пивень выступил метафорическим обозначением огня, печи, очага. «Изба строилась на петушьей голове, которая полагалась в переднем углу» [20]. Очищение и освящение нового жилища шло путем жертвы домовому, приносили в жертву именно петуха.

Итак, изба в древности была храмом, такую же функцию она выполняла и в ритуалах русских сектантов.

А вот что говорит о мотиве избы, «Отчего дома» Л. А. Киселева: «Мотив избы, «Отчего дома», пронизан у Ключева отчетливым сакральным смыслом... «Отчий дом» — это единственная возможность противостоять стихии, мраку, небытию. Это вертикаль, мощно пронизывающая толщу бессознательного бытия (хаоса).

Только с этой точки зрения можно проследить семиозис ключевского «избяного космоса». Парная оппозиция «изба и поле» (вертикаль и горизонталь, Логос и Хаос) у Ключева имеет то же значение, что противостояние Егория змию как символу всеуничтожающей стихии в русской иконографии. Если разрушается «Отчий дом» (в «Погорельщине»), то этому предшествует страшное знамение: «...с иконы ускакал Егорий — / На божнице змий да сине море!..» Так и с исчезновением «избы»: «поле» превращается в «пустополье» — в море хаоса, где властвует лишь злобный ветер, персонифицированный в образе сытого ворона: «Вороном уселся злобно сыт, / На ракиту

ветер придорожный, / И мужик *бездомный* и *безбожный* / В *пустополье* матом голосит...»

Есенину хорошо известна была заветная мечта Клюева, отразившаяся в цикле «Поэту Сергею Есенину» <...>

*Провижу я: как в верше сом,
Заплещет мгла в мужицкой длани, —
Золотобревный, Отчий дом
Засолнцевет на поляне.*

Здесь изба превращается в «Украшенный Чертог», знаменуя окончательную победу над силами зла. Хаос (т. е. мгла, эреб) приручен и подчинен. «Отчий дом» становится символом воссоединения с Богом на земле, совоскресения поколений отцов, соединения «горней России» с Русью земной. Тема эта многократно варьируется в творчестве Клюева. Думается, что ритуальная природа многих стихотворений поэта, их заклинательный пафос проистекает от дерзновенной попытки воплотить эту мечту в своем словесном посеве» [21].

Одним из вариантов идеи Отчего Дома в поэзии Клюева является гумно. Приведем отрывок из уже упоминавшегося стихотворения «Статья в широченных «Известиях»», где разворачивается детальная картина сопоставления песен и гусей, гумна и места рождения Слова: «И песни-гуси, орлом гонимые, / Ныряют в загуменя стаей янтарною. / Гумно — *гусыня* матерая / Гогочет зловеще молотьбой недородною: / «Я — Матка созвучий, столетняя, хвора, / Яйцо мое — тайна с судьбиной народной!» / *Гусак* стальноклювый, чей мозг — индустрия <... > Кричит из-за моря: «Россия, Россия, / В миры запрокинь огневеющий лик!» / Великая Матка поет пред кончиной, / Но лавой бурлит адамант-яйцо... » (3, 464) [22]. О том, что «хлебный» код повсеместно реконструируется из клюевских текстов, свидетельствует ряд образов (*пуг, соха, косуля, жернов, цеп, овин, гумно, печь, квашня*, и собственно *зерно, колос, сноп, дрожжи, коврига, рожь, пшеница, посев зерна, жатва, выпечка хлеба*), за которыми закреплено глубокое «поддонное» значение. Вокруг темы Ковриги построена вся поэма «Мать-Суббота», этот аспект вопроса уже рассматривался Л. А. Киселевой [23]. Аналогичная образность реконструируется на основе поэм «Белая повесть», «Белая Индия», «Поддонный псалом», многочисленных стихотворений, а также сборника «Львиный хлеб». М. М. Маковский в своем словаре приводит интересные лингвистические данные: «Название птицы во многих языках соотносится со значением «рожать». Дело в том, что птица считалась вместилищем душ умерших и хлебного духа, а дух, дыхание, по древним представлениям, соотносился с деторождением (легкие считались средоточием мужского семени)» [24]. Великолепным подтверждением мысли автора может служить вышеприведенная символика гумна и мотива рождения песен.

В контексте сопоставления птицы и избы необходимо упомянуть и мотив гнезда — избы. Гнездо гуся ассоциируется с домом, теплом, любовью: «Теперь в Москве, на Красной Пресне, / В подвальце, как в гнезде *гусином*, / Томлось любовницей иль сыном — / Не всё ль равно? В *гнезде* *тепшенько*» (3, 582). Расширить эту тему помогут данные исследований А. А. Потепни: «Символ семейства — гнездо — имеет еще и другое общерусское название: *кубло*, родственное с понятием круглого сосуда... Воспитать — значит вырастить в гнезде... В Тверской губернии *кубло* имеет более общее значение хозяйства, а в лужицком наречии — имения, богатства. При таких переходах сохраняется связь с более близким к первоначальному представлению гнезда, так что найти гнездо птицы значит не только вообще разузнать, разведать, но и узнать, богат ли человек или беден» [25]. В Псалтыри гнезда названы «алтарями» Господа [26]. Необходимо помнить, что «гнездом» Клюев называл и часть поэтического текста, например, «гнездом» названа третья часть поэмы «Песнь о Великой Матери». По свидетельству поэта «несколько тысяч словесных гнёзд стихами и полууставно» «памятовала» его матушка [27].

Сравнивается с гусем и храм [28]: «И ясно зрими *храм за храмом*, / Как *гуси* по излуке синей, / Над беломорскою пустыней / Святыни русские вспарили, / Все в лалах, яхонтах, берилле» (3, 766). Выше в работе уже приводились замечания А. Н. Афанасьева, реконструировавшего древнее религиозное значение избы. Интересно, что: «Универсальное описание дома вообще превалирует над индивидуальным... Пожалуй, выделяется только церковь, что, естественно, связано с ее совершенно особой ролью в модели мира. В загадках *церковь / с акральное* противопоставляется *дому / светскому* как нечто пестрое, яркое, звучащее» [29].

Обнаруживаем и образ «гусыни-бадьи» в поэме «Мать-Суббота»: «Помимо изначально парных образов, в поэме есть и такие, которые сперва являются единичными, а затем дwoятся. Метафора обеспечивает органичность метаморфозы на разных уровнях. Так, в начале поэмы одной из первых приветствует Ангела «*гусыня-бадья*». Хотя бадья лишь уподоблена гусыне, однако именно с нею связано первое в поэме рождение: в бадью вечер приманит небесную птицу, солнышко, и в ней выведутся «бурнастые *утята*» (3, 642). Но поскольку бадья связана с водой и с опарой: «Булькнула звонко *гусыня-бадья*» (3, 640), — то в дальнейшем она станет тучей и, пролившись на землю, превратится в домашнюю птицу: «В горсти запашек опару пролив, / *Селезнем* стала кормилица нив» (3, 643)» [30].

На интерпретации образов «архистратигов-гусей» в стихотворении «Рукомойник из красной меди...» необходимо остановится подробнее. Здесь особенно подчеркнута **ангелическая природа птиц**. По-видимому, обитающие в Лидде птицы тоже являются воплощением ангелов: «Мудро вышиты паруса у сойм. / Гнали паруса *гуси* махами, / Селезни с чирятами-кряками» (3, 692)

[31], аналогичная семантика: «И, как опальный цвет черешни, / На новоселье двух смертей (степенного свекра с Силиверстом — О. П.) / Слетелись выводки *гусей*» (3, 682). Также укажем на связанность ангела-переносчика душ, гуся и Млечного пути как дороги в рай: «Дароносица распластана молотом, / Ощипаны *гуси* — / Серафимы млечные» (2, 173). Млечный Путь как гусиная дорога и идея пути [32] будет рассмотрена ниже, сейчас же хотелось бы привести цитаты из некоторых христианских источников, подтверждающих закономерность отождествления ангела и птицы.

О том, что в христианской традиции, близкой к творчеству Клюева, птицы являлись обозначением **ангелов**, свидетельствует хотя бы то, что в «Толковании на Апокалипсис св. Андрея Кесарийского» (на 19 главу, стих 17: «И увидел я одного Ангела, стоящего на солнце: и он воскликнул громким голосом, говоря всем птицам, летающим среди неба») читаем: «И о сем Ангеле думаем, что это один из высших, потому что прочим он повелевает радоваться о наказании грешных и о пресечении греха. — Птицами называются Ангелы по причине быстроты и высоты полета для исправления нашего и научения: ибо исполнение Божественной воли составляет для них Христоподражательную пищу. Они парят посреди, чтобы восход в него и предсказанное веселие были доступны и людям равноангельным, так как ходатайство их служит ступенью восхождения для находящихся внизу. Посему ими же Святые будут восхищены в сретение Господне» [33].

И наконец, хотелось бы указать на еще один аспект рассматриваемой темы — богословской подосновы уподобления теперь уже человека птице-ангелу. Приведем цитаты из клюевских текстов: «Нет премудрее народа, / У которого межбровье — / Голубых лосей зимовье, / Бор незнаемый кедровый, / Где надменным нет прохода / В наговорный терем слова! — / Человеческого рода, / Струн и *крыльев* там истоки... » (3, 703), «И семенем брызнуть в утробу Земли: / Зачни, благодатная, пламенный плод, — / *Стокрылое* племя, громовый народ, / Сладчайшее Чадо в моря спеленая, / На очапе радуги зыбку качай!» (1, 455), «Дела, которые творю, / И вы, *теницы* мои, — творите... » (1, 424), «Мы — ржаные, толоконные, / Знаем Слово алатырное, / Чтобы *крылья* громобойные / Вас умчали во всемирное» (1, 484). Везде здесь говорится о новом, преображенном человеке, о крылатом народе, о новом племени. О различии ангельской и человеческой природы рассуждали многие богословы, в частности некоторое обобщение этих идей мы находим в книге С. Булгакова «Свет не вечерний» [34].

«Ангел» по-гречески — это «вестник» [35], тема вестничества в связи с птицами возникает у Клюева многократно, но особенно четко она выявляется при рассмотрении образа *сороки*, не зря же в народе ее называют «вещицей». Учитывая намечающуюся связь вестника и сороки, понятно, почему сорока «в тороках» («Погорельщина») [36], почему она часто связывается со звездой,

почему она четверокрыла, почему ее образ так мифологизирован в «Песни о Великой Матери». Во многом становится ясным, отчего именно паскарага — лесная сорока [37] — названа «ангельской птицей».

Птицы шестикрылые и четверокрылые отсылают нас к облику ангела, а двуглавый Сирий, скорее всего, является аллегорией. Подчеркнем, что двуглавость, двуликость могла указывать не только на соединение двух миров — горнего и дольного, но и на нетвердость, несовершенство [38].

Особенно хотелось бы подчеркнуть образ гуся как демиурга, гостя предивного, Бога Богов [39]. И так, в веже, где «Моряна же в глубокой ступе / Порты б толкла с брусом вкупе, / Чтобы лушел, как гусь в потоке, / В сосновой грядне гость далекий» (4, 99) (кстати, ср. в цикле «Спас»: «Плоти громной, Господней, / На порты я возвращен, / Чтob Земля с Преисподней / Убелились как лен» (1, 448)).

Продолжением развития темы демиурга выступает мотив **яйца**. Мы не станем вновь цитировать стихотворение «Статья в широченных «Известиях»», расширим культурологический контекст этой темы, темы птицы-демиурга, сотворения мира, а также Небесного Жениха и брака с Ним. В связи с несколькими птицами — курица, гагара, орлица, гусыня, утка — в текстах Николая Клюева возникает мотив мирового яйца, творения мира. Встречается в стихотворениях поэта пришедшее из сказок Кашеево яйцо. Источники данного мотива подробно описаны В. Н. Топоровым [40], причем ученый приходит к выводу: «И самое удивительно в том, что, какой бы длинной ни была цепь переходов, она все-таки приведет нас от золотого яичка курочки-рябы к умозительнейшей вселенной Брахмы» [41].

Итак, в творчестве Клюева яйцо связывается с жизнью, с Вечной Жизнью, с рождением Вселенной, преодолением хаоса. На последнем моменте следует остановиться подробнее, речь тут пойдет о Кашеевом яйце. Вот как характеризует поэт судьбу своей родины: «Твоя судьба-гагара, / С Кашеевым яйцом» (3, 661), «Лечу на крыльях самума — / Коршуна, чье яйцо Россия, / В персты арабского Юма, / В огни и флейты степные» (2, 181). Конечно, в данном случае надо вспомнить о бытовавшей на Русском Севере легенде «о сотворении мира, в которой в роли противника Бога вместо утки выступает гагара, воплощение дьявола (Сатаниила)» [42]. По этой легенде встречаются Бог и гагара, и спрашивает Господь у птицы, кто она есть. Она же оказалась дьяволом. На вопрос, будет ли нечистый слушать творца, гагара ответила: «Не знаю». Далее Господь предлагает птице нырнуть под воду, достать земли и таким образом сотворить твердь. Учитывая всю отрицательную семантику, какая может быть связана с образом гагары-дьявола, следует помнить, что эта птица участвует в сотворении мира. Но, возможно, даже не эта легенда важна при интерпретации образа гагары с яйцом из «Плача о Сергее Есенине» [43], а мотив Кашеева яйца. Для его толкования вновь обратимся к тонким замечани-

ям В. Н. Топорова. Ученый среди нескольких тем-мотивов, входящих в старый миф о мировом яйце, называет и следующий: «Яйцо, первый культурный герой, борьба со Змеем... Становление космоса (жизнь) из яйца, собственно, и означало бы... конец хаоса (смерть) или его ограничение и изоляцию. И этот конец в том яйце, где спрятана Кошечья смерть» [44]. Завершая данную часть нашей работы, отметим соотнесенность в реконструируемом славянском мифе мотивов яйца, Мирового древа и хлеба [45], что особенно ценно для нас, так как именно они являются одними из ключевых в поэтике Клюева.

Связано яйцо и со словом, тогда тишина становится скорлупкой, а выводок птенцов — словами: «Треснет тишь — булыжная скорлупка, / И стихи, как выводок фрегатов, / Вспенят глубь, где звукоцвета губка / Тянет стебель к радугам закатов» (1, 430).

У Клюева также может возникнуть следующий комплекс значений: нарисовать икону — выразить свое мировоззрение, credo. В подтверждение наших слов приведем отрывок из «Песни о Великой Матери». Вот что там говорится об изменившем своим мужицким корням Распутине: «Я разотру левкас и краски / Уж не на рябином яйце!» (3, 801), здесь нарушение обряда написания иконы свидетельствует об изменении мировоззрения.

В текстах Николая Клюева встречается не только птица-демиург, сносящая яйцо (это чаще всего какая-то водоплавающая птица), но и хищная птица (орел, коршун, ястреб), оплодотворяющая человека для рождения самого священного и тем самым преображающая его [46]: «Плясать на углях, и себя по кускам / Зарыть под золою в поминок векам, / Чтоб *Ястребу*-духу досталась мета — / Как перепел алый, Христовы уста!» (1, 400), «Сладок Отец, но пресладостней Дух, — / Бабьего выводка *ястреб* — пастух, / Любо ему вожделенную мать / Страсти когтями, как цаплю, терзать <...> Клювом долбить, чтоб родился поэт. / Зыбка в избе — *ястребиный* улов — / Матери мнится снопом васильков» (3, 644) [47].

Соотнесенность птицы со стихиями, космическими телами и различными явлениями природы, пожалуй, одно из самых распространенных в мифологии разных народов. Итак, птица — это ветер, солнце, звезды, луна, гром, зори, рассвет, утро, ночь, дни, время, часы, пух птицы — облако, перо птицы — молнии. Каковы же истоки данных мотивов? О птицах и стихиях писали в свое время А. Н. Афанасьев в «Поэтических воззрениях славян на природу», а также киевский исследователь XIX века Витольд Клиггер [48]. Встречаются и в христианской традиции такие отождествления, как птица — ангел — звезда — солнце, реконструируются они, например, по неоднократно нами цитировавшемуся «Толкованию на Апокалипсис...».

Гусь, как и лебедь, имеет ярко выраженную солярную символику. «Индийцы ведаической эпохи олицетворяли солнце в образе сокола и гуся фламинго. Следы подобных олицетворений встречаем и у германцев, и у славян.

Весеннее солнце, омывшись в дождевых потоках грозовых туч, показывалось очам смертных — просветленное, ярко блестящее, и было уподобляемо бело-снежному лебедю, купающемуся в водах, или другим водяным птицам: утке и гусю» [49]. Поэтому закономерны такие строки: «Но ядрен мой рай и чудесен, / В чаще солнца рассветный гусь» (2, 185). А вот так говорит поэт о своих песнях: «И, может быть, далекий внук / Уловит в пряже дятла стук, / В кострике точек и тире / Гусиный гомон на заре» (3, 737).

Также гусь олицетворяет время: «Наши набатные дни — / Гуси, летящие к югу. / Там голубой океан, / Дали и теплые мели...» (1, 472). Птица в текстах Николая Клюева очень часто связывается с временем вообще, частями суток, утром, днем, ночью, днями, часами, периодами человеческой жизни. Пожалуй, одни из самых ярких примеров, подтверждающих нашу мысль, строки: «Вы, деньки мои — голуби белые, / А часы — запоздалые зяблики, / Вы почто отлететь собираетесь, / Оставляете сад мой пустынею? <...> Проворкуйте все-вышние голуби, / И прожубруйте, дольные зяблики, / Что без вас с моим вишенем станется: / Воронью оно в пищу достанется. <...> Час за часом, как поздние зяблики, / Отлетает в пространство глубинное...» (1, 261) [50].

Пролить свет на некоторые гусиные образы поможет нам знание о Млечном Пути, название которого могло варьироваться. В частности Млечный Путь назывался гусиной, буськовой, журавлиной дорогой, что свидетельствует о близости образов журавля и гуся. «В различных районах России Млечный Путь называют гусиной дорогой... Считается, что по этой дороге гуси прилетают весной и по ней же летят осенью в «вырей» [51]. Млечный Путь мог носить и другие имена: плеяды [52], утиное гнездо, стожары [53], волосожары, медведица, воз, пояс, Моисеева дорога [54], Батыева дорога [55], соотносится он и с мотивом мирового яйца [56]. Если учитывать эти данные, то неудивительно появление и таких мотивов, как тяга, перелет, даль: «И мнится за печью седое поморье, / Гусиные дали и просырь мерезж» (1, 405) (не указывается ли тут, что в «запечье» начинается Млечный Путь? Кстати, ср.: «И крыльями плещет София — / Орлица запечных ущелий» (3, 513)). Или прямое указание на звездную дорогу: «На потрохи звездного лова / Сбежатся кометы-песцы. / Пожрут огневую вязигу, / Пууп солнечный, млечный гусак» (1, 437).

В дополнение к сказанному хотелось бы подробнее остановиться на наметившихся параллелях дорога в рай — Млечный Путь — утиное гнездо — воз (телега). Например, в поэме «Белая Индия» мы читаем такие зашифрованные строки: «У Жалости в гриве овечий ночлег, / Куриная пристань и отдых телег: / Сократ и Будда, Зороастр и Толстой, / Как жилы, стучатся в тележный покой» (1, 399). По-видимому, в данном случае «тележный покой» связан с ангельским миром [57]. Также в связи с указанными значениями стоит обратить внимание на возможный аналогичный подтекст следующих цитат: «И лосиными рогами / Свит живой свирельный воз <...> Куллен воз бесценным

кладом — / Нашей молодостью, садом / И рыдальцем-соловьём / Под Татьяниним окном»; «До чудесного материка / Не доедешь на слепых колесах» (3, 554).

Если учесть, что Батыева дорога — это путь, через который татары попали в Китеж, а глубинное символическое значение подводного града Китежа — именно обозначение рая, а также принимая во внимание слова Клюева о своей судьбе: «Жизнь моя — тропа Батыева: от студеного Коневца (головой Коня) до порфириного быка Сивы пролегла она» [58], то получается мощный сгусток образов, объединяющий в себе следующие значения: дорога в рай — путь по Млечному пути (звездам) — тропа в Китеж — перелет птицы — жизнь человека — воз (телега). Вероятно, к этой цепочке необходимо добавить «Огненную колесницу Илии»: «Не случайно в «Матери-Субботе» первый зов отчих (запечных икон) издают «Кони Ильи»: «Огненное восхищение» спасает поруганную родину (не здесь ли кроется одно из зерен замысла «Погорельщины?»): «И над суздальскою божницей / Издевается граммофон: / Пламенеющей колесницей / Обернется поэта сон» [59].

На почве этнографических фактов, например, того, что особым образом запряженные кони называются «гусем», проявляется традиционное для клюевской поэтики отождествление конь — птица [60]: «Запряжены лошадки гусем, / По дебреной медвежьей Руси / Не ладит дядя Евстигней / Моздокской тройкою коней. / Здесь нужен гусь, езда продолом» (3, 718). И конь, и птица выражают идею пути, а также связь двух миров — горнего и дольного: «Узнайте же ныне: на кровле конек / Есть знак молчаливый, что путь наш далек» (1, 428).

Возникает и такой мотив, как **ловля гусей**, то есть чего-то сокровенного (вспомним пословицы: «Не поймавши гуся, не шипли!»): «Твой дед тенета доплетет, — / Утиный хитрый перемёт, / Чтобы увесистый гусак / Порезал шею натошак / О сырмятную лесу» (3, 782), «Про любовь-купину от Печоры до Нила / Ткут морянки молву, гаги — гам голубой. / И в гусиных капканах, как строки, недаром / Серебрятся пушинки и птичья слюна, — / То «Зачатия» образ, где звездным *гагарам* / Топит жёлчь и молоки китовья луна» (3, 517), или описание иконы «Страшного Суда»: «Но краше и трепетней зографу зреть / На птичьих загонах *гусиную* сеть, / Лукавые мёрды и петли ремней / Для тысячи белых кувшинковых шей. / То Образ Суда, и метелица крыл — / Тень мира сего от сосцов до могил» (3, 672).

Перекликается символика гуся с лебедем, что подтверждается знакомыми с детства образами «гусей-лебедей», а также тождественностью обоих символов в индийской мифологии. Однако «поддонные» смыслы образа лебедя — это тема другого, очень увлекательного исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

Автор статьи выражает благодарность Людмиле Александровне Киселевой за ценные замечания и указания на некоторые источники.

1. Далее тексты Н. Клюева цитируются по двум изданиям:
 - 1 — Николая Клюев Сочинения. — Мюнхен, 1969. — Т. 1.
 - 2 — Николая Клюев Сочинения. — Мюнхен, 1969. — Т. 2.
 - 3 — Николай Клюев. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы. — Санкт-Петербург, 1999.
 - 4 — Клюев Н. Каин // Наш современник. — 1993. — №1. — 94-99. В круглых скобках дается условный номер издания и страница.
2. Приведем примеры, свидетельствующие о близости сна и гусяного пуха: «Уснули во мхах глухари / До тундровой карей зари, / И дремам гусиный базар / Распродал пуховый товар!» (3, 711) (о важном символическом значении пуха, пушинки свидетельствуют, например, строки из «Белой повести»: «Христом разговеться и всласть / Наслушаться вепних касаток, / Что в сердце слепили гнездо / Из ангельских звонких пушинок» (1, 395), или: «От земли, словно искра из горна. / Как с болот цвет тресты пуховойной, / Возлетает душевное тело» (1, 458) (В цитатах сохраняется орфография источника).
3. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. — М., 1997. — С. 719.
4. Гаврюшин Н. К. Древнерусский трактат «О человечестве естестве» // Естественнаучные представления Древней Руси. — М., 1988. — С. 225.
5. Материалы для истории хлыстовской и скопческой ереси, собранные П. И. Мельниковым и им же сообщенные. Отд. 5. // Чтения в имп. обществе истории и древностей российских. — 1873. — Кн. 1. — С. 41.
6. Подробно идеи об очищении сердца высказаны Н. Клюевым в трактате «Очищение сердца» // «Простите, не забывайте...» Н. Клюев. Письма к Н. Ф. Христофоровой-Садовой / Публ. А. И. Михайлова // Север. — 1994. — № 9. — С. 126-130.
7. Белова О. В. Славянский бестиарий. — М., 2001. — С. 94.
8. Потебня А. А. Символ и миф в народной культуре. — М., 2000. — С. 350.
9. «[Практически всем птицам (в том числе и домашним) приписывается способность произносить различные словесные возгласы и целые высказывания. Вербальная передача птичьих криков составляет основу особых звукоподражательных текстов как одной из разновидностей малых форм фольклора. <...> Эта особенность сближает птиц и с некоторыми неодушевленными механическими предметами, способными производить различные шумы и звуки, однако не самостоятельно, как птицы, а в результате использования их человеком: ткацким станком, коловоротом, молотящими цепами, мельницей, колесами телеги и музыкальными инструментами (пастушьей трубой, рогом, почтовым рожком, дудочкой, скрипкой, контрабасом, цимбалами, бубном и церковными колоколами)» (Гура А. Н. Указ. соч. — С. 530).
10. «щипание, клевание гуся, так же как и аиста, имеет эротический смысл» (Гура А. В. Указ. соч. — С. 675).
11. «Плясать на углях, и себя по кускам / Зарыть под золою в поминок векам, / Чтоб Ястребу-духу досталась мета — / Как перепел алый, Христовы уста!» (1, 400), «Сладок Отец, но пресладостей Дух, — / Бабьего выводка ястреб — пастух, / Любо ему вожделенную мать / Страсти когтями, как цаплю, терзать <...> Клювом долбить, чтоб родился поэт. / Зыбка в избе — ястребиный улов — / Матери мнится снопом васильков» (3, 644).
12. Еще один интересный момент, встречающийся нам при характеристике птицы — слова в творчестве Клюева, связан с мотивом пляски птиц, плескания крылами и потри пера, а

также обретенной пушинки, которая приносится в гнездо («И, возвратясь из далей тела, / Душа, как ласточка в прилет, / В созвучий домик опустелый / Пушинку первую несет» (3, 339)). Повидимому, данный комплекс значений сближается с ритуальными плясками, в частности в хлыстовских сектах, собственно же: «ритуальный танец — одна из наиболее древних форм молитвы, осуществляемая путем имитации «божественных» действий» (Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. — М., 1996. — С. 328).

13. «... пожалуй, наиболее значимым в ритуальном отношении элементом рассматриваемой конструкции был печной столб. Следы архаических верований, связанных с печным столбом, очевидно, лучше всего сохранились в белорусской традиции, где он назывался дзед, коневой столб или просто конь. В этом названии можно видеть соответствие др.-инд. *asva-yuira* «конный столб», «мировой столб», что говорит об индоевропейском характере термина. Черты исключительной древности обнаруживаются в так называемом «столбовом обряде» белорусской свадьбы. Этот обряд, в частности, включал стандартные ситуации мифологического сценария, разыгрываемые у «мирового древа» или «мирового столба»: жертвоприношение, произнесение магических формул, символическое путешествие по столбу» (Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. — Л., 1983. — С. 148).

14. Там же. — С. 178.

15. Цивьян Т. В. Дом в фольклорной модели мира (на материале балканских загадок) // Гартус. Университет. Ученые записки. Труды по знаковым системам. X, в. 463. — 1978. — С. 73.

16. Там же. — С. 73

17. Зеленин Д. Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов // Академия наук СССР. Труды института антропологии, археологии, этнографии. — М., 1937. — Т. XV, в. 2. — Этнографическая серия 5. — С. 29.

18. Там же. — С. 25.

19. Афанасьев А. Религиозно-языческое значение избы славянина // Отечественные записки. — 1851. — №6, отд. II. — С. 53—67.

20. Там же. — С. 63.

21. Киселева Л. А. К проблеме интерпретации поэтического текста (на материале произведений Н. А. Клюева и С. А. Есенина): Методическая разработка для студентов филологического факультета. — Киев, 1995. — С. 11-12.

22. Напомним, что «гумно — это место, где ставят хлеб в кладях и где его молотят» (Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах. — М., 1956. — Т. 1).

23. Киселева Л. А. Поэма Николая Клюева «Мать-Суббота» 1922 год // *Studia Litteraria Polono-Slavica 3 SOW*. — Warszawa, 1999. — С. 49-66.

24. Маковский М. М. Сравнительный словарь. — С. 143

25. Потебня А. А. О некоторых символах в славянской народной поэзии // Потебня А. А. Символ. — С. 41-42.

26. «Со времен Псалмопевца, назвавшего птичьи гнезда «алтарями» Господа», поэзия, кажется, не создавала подобного образа вселенской литургии, сочетающего космический размах с интимнейшими переживаниями человека» (Киселева Л. А. Белая Индия Слова (в печати)).

27. Клюев Н. Автобиографическая проза // Север. 1992. № 6. С. 157. Подробнее этот вопрос разбирается в статье Л. А. Киселевой «У истоков «большого эпоса» Николая Клюева: «Песни из Заонежья»» (в печати).

28. Расширяя тему, укажем на следующие встречающиеся у Клюева соответствия: собор — лебедь — крин — сон — акафист (см. в «Песни о Великой Матери»: «Ах, лебедь небесный, серебряный крин, / В архангельских делях у синих долин! / Бревенчатый сон предстает наяву > С товарищи мастер Аким Язблецов / Воздвигли акафист из рудых столпов» (3, 705)) и

город — береза — розан — лебединый крик (см. текст «Погорельщины»): «Где ты, город-розан — / Волжская береза, / Лебединый крик» (3, 695). Встречаются и просто отождествления птицы и города: «Новгород и Псков <...> Два лебедя на водах ясных» (3, 686).

Отдельный мотив реализован тождеством Россия — сад: («Русский сад — мужики да бабы...») (3, 677)), аналогии ему мы находим в скопческих стихах, где община верных кодируется через образ города или сада. Впрочем, можно найти объяснение этим параллелям и в более широком русле христианской традиции, с распространенной идеей о том, что рай есть сад или град.

29. Цивьян Т. В. Дом. — С. 65-86

30. Киселева Л. А. Поэма. — С. 56.

31. Вот как представляли гуся авторы древнерусских памятников: «С большой степени точности гусь изображен рудом с маленьким парусным кораблем <...>; как белая птица, не похожая на водоплавающую» (Белова О. В. Указ. соч. — С. 94).

32. «Для всех эзотерических целей, Хамса, как это известно каждому индусу, есть легендарная птица, которая, когда ей дали... в пишу молоко, смешанное с водою, разъединила их, выпив молоко и оставив воду...» (Блаватская Е. П. Тайная доктрина. — Riga. — Т. I. Космогенезис. Ч. 1. — С. 126). (Зд. молоко — символ Духа, вода — материи). То есть с Млечным путем гусь — проводник духа, связан цепочкой символических значений.

33. Толкование на Апокалипсис Святого Андрея, Архиепископа Кесарийского, Иосифо-Волоколамский монастырь. — 1992 (репр. М., 1901). — С. 165.

34. Булгаков С. Н. Свет Невечерний. — М., 1994. — С. 242-358.

35. Аверинцев С. С. София-Логос. Словник. — Київ. 1999. — С. 29.

36. «В христианской иконографии уши ангелов окружены тонкими изогнутыми линиями: это «тороки» («тороци»), органы божественного слуха (ведь ангел — вестник, он постоянно внемлет Богу и передает Его веления людям). В «Погорельщине» с иконографической символикой связан образ сороки «с хвостом в лазоревых тороках»: в поэме это вещая птица (вести же сорока, как говорят в народе, на хвосте носит); четверокрылость чудесной птицы, «лазоревость» — несомненные знаки «ангельского чина», на что и указывают «тороки» (Киселева Л. А. Белая Индия Слова (в печати)).

37. В «Энциклопедическом мире Владимира Даля. Птицы» М. А. Недель-Червинской и П. П. Червинского паскарага расшифровывается как «лесная сорока, олонец.» (Недель-Червинская М. А., Червинский П. П. Указ. соч. — Т. 2. — С. 45), хотя по данным вытегорской исследовательницы А. В. Зелинской, собранным ею у старожилов Вытегорского района, паскарага — это ворон (цитируется на основании любезно предоставленной мне рукописи доклада). Как нам кажется, связывать паскарагу с сорокой логичнее, потому что, несмотря на безусловно амбивалентный образ ворона в поэзии Н. Клюева, отрицательная семантика доминирует. Одна из немногих положительных характеристик: «Кува — красный ворон... / Он гнездищем с Громом помнялся, / Чтоб снести яйцо — мужичью долю» (1, 348). Отметим символику красного цвета (в иконографической традиции, в частности, в иконе «Неопалимая Купина», огненнокрасный используется «для означения сферы престольной» (В. Арсеньев. О церковном иконописании (1890) // Философия русского религиозного искусства. — М., 1993. — С. 144). Очень часто эта птица связывается с железом: «В вороньих, свирепых граях / Узнаю Россию в тоске. / Россия — не светлая пава, / А ворон — железный нос — / Клюет кремнистую лаву / Из суков и слез» (3, 446), «Но ты, железный вороненок <...> Не прилетай к узорным травам, / Они обожжены грозой — / России крестною слезой!» (3, 760). Возможно, птица с железным носом восходит ко «Сну Богородицы»: «В апокрифическом сказании, известном под именем «Сна Богородицы», Христос вешает грешникам: «пушу на вас птахи — черные-носы железные, которые летают и кричат и мелкают, у которых злое повергние будет» (Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. В 3-х томах. — М., 1995. — Т. 1. — С. 268). Но существуют и многочисленные отождествления поэтом себя и своих песен с этой птицей. «На раззалинах строк,

созвучий / Каркнет ворон — мое перо» (2, 155), «Кружусь вороном над страшным полем, / Узнаю чужих и милых скелеты, <...> Я — ворон, кружусь над великой гробницей <...> Мой грай почитают за песни народа» (2, 190-191), «Это новые злые песни — / Волчий брех и вороний грай...» (3, 522).

38. Что проявляется в образах павлина и Сирина. Например, песни Сирина в древнерусском bestiarii служило обозначением божественного слова, входящего в душу человека, в то время, как сам Сирин иногда являлся указанием нетвердых в вере людей или еретиков, вводящих людей в заблуждение (см. подробнее: Белова О. В. Указ. соч. — С. 226—229). Также и павлин, обладая ангелической красотой, страдал от своих безобразных ног, о чем кричал безобразным голосом (см. подробнее: Киселева Л. А. Русская икона в творчестве Николая Клюева // Православие и культура. — Киев, 1996. — №1 — С. 46—65.)

39. Многочисленные ссылки на индуистские эзотерические значения гуся в древнеиндийской мифологии (со отсылками на Dowson's Dictionary of Hindu Mythology) содержатся в «Тайной доктрине» Елены Блаватской, в частности подчеркиваются значения «эманации изначального Луча», символа Брами, проводника — вечного Лебеда или гуся.

40. Топоров В. Н. К реконструкции мифа о мировом яйце (на материале русских сказок) // Труды по знаковым системам. — 1967. — В. 3. — С. 81—100.

41. Там же. — С. 99.

42. Гура А. В. Указ. соч. — С. 667.

43. Необходимо указать на некоторые исторические факты. В XVII веке жил паломник Василий Гагара, который первым после Смутного времени отправился в Иерусалим. Кстати, примечательно, что в Иерусалиме Василий был свидетелем явления Святого Духа и даже прикладывался к нему бородой. Интересно, что в оставленном после себя хождении он описывает не столько нравы жителей тех мест, где он побывал, сколько местные предания и легенды, что ставилось ему в упрек писателями XIX века, почему его повествование и не столь ценилось. Кроме публикации в Православном Палестинском Сборнике в 1891 (Житие и хождение в Иерусалим и Египет казацка Василия Яковлева Гагары (1634—1637 гг). Под ред С. Долгова // Православный палестинский сборник. — С-П., 1891. — Т. XI. — В. 3. — С. 1—79), «Хождение» было напечатано в «Сказаниях русского народа» И. Сахарова. Имеет две версии, одна написана простым разговорным языком XVII века, с длинными покаянными излияниями, вторая — более книжна и искусна; по мнению ученых, второй вариант был составлен самим Гагарой, но позже, когда он уже пожил в Москве и освоился с книжной традицией.

Так что, возможно, и это древнерусское произведение навело поэта на мысль назвать свое биографическое повествование «Гагарьей судьбиной».

44. Топоров В. Н. К реконструкции. — С. 96

45. «Мировое древо и Мировое яйцо соотносятся друг с другом не только по синтагматической оси (мировое древо — ветви — гнездо — птица — яйца), но и как члены парадигмы, в составе которой они реализуют сходный круг символов, — выступая как образ мира, они, естественно, воплощают целостность его и универсальность как в синхронном плане, так и в диахронии; и то, и другое — символы порождающего начала, творческой силы плодородия: нет ничего в мире, что было бы не через них и помимо их, и поэтому они рассматриваются как весь состав мира и как весь путь его развития. Но есть между ними и существенно различие при всем их универсализме и потенциальной всеохватности: каждое из них имеет и свою специализацию — мировое дерево моделирует мир в его растительном коде, а мировое яйцо — в его животном коде (смешение обоих кодов обнаруживается в коровае, который украшают изображениями животных, рогов, вымени, но и шишек, растений, также и солнца, месяца; сам коровай соотнесен с образом коровы, но в него вытекают зеленые ветви и сам он образует мировое древо — Рай) Наличие этих двух кодов открывает еще два канала для дублирования главной идеи, а отчасти и элементов сюжетной схемы «основного» мифа: информация о нем записыва-

ется не только в профилирующем «антропном» коде (участники мифологического сюжета — персонажи антропоморфизированного типа; отчасти это относится и к противнику Громовержца, ведущего диалог с ним), но и в двух других — растительном и животном, позволяющим охватить всю сферу жизни и живого и продублировать информацию основного «антропного» канала». (Топоров В. Н. Предистория литературы у славян. — М., 1998. — С. 123).

46. Иногда в этой роли выступает конь. Хотя конь — амбивалентный образ. Наряду со священным образом коня в «Матери-Субботе»: «Радуйтесь, братья, беременен я / От поцелуев и ядер коня! / Песенный мерин — багряный супруг — / Топчет суставов и ягодиц луг, / Уды мои, словно стойло, грызет, / Роет копытом заклятый живот, — / Родится чадо — табун жеребят, / Музыка в холках, и в ржании лад» (3, 645), конь может являться обозначением плоти: «О Сын Мой, краснейшая гроздь и супруг, / Конь — тело мое не ослабит подпруг. / Воссядь на него, натяни удила / И шпорами нудь, как когтями орла, / Об адские камни копыта сломай, / До верно-го шляха в сияющий рай!» (3, 350). Кстати, последняя цитата по образности очень близка уже упоминавшемуся трактату XVII века «О человечестве естество»: «И якоже узда коню во устех, тако и плотская похоть воздержанием увядает» (Гаврюшин Н. К. Древнерусский трактат. — С. 227).

47. Отметим также развитие сложного мотива брака с птицей и рождения ангела. Иногда парой становится не только хищная птица, но и Дева-птица («Я помню крылатое древо...», «Путь надмирный совершая...»).

48. Клингер Витольд. Животное в античном и современном суеверии. — Киев, 1911.

49. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения. — С. 262.

50. Характерно, что аналогичный образ содержится в стихотворении высокочтимого Клюевым А. Добролюбова «Вы денки ли мои — денки тихие и несприметные...» (Ежов И. С., Шамурин Е. И. Антология русской лирики первой четверти XX в. — М., 1991. — С. 23).

51. Гура А. В. Указ. соч. — С. 670—671.

52. «Плеяды, плеады, созвездие утиное-гнездо, стожары, волосожары» (Даль В. Толковый словарь. — Т. 3. — С. 216).

53. «Стожары; созвездие плеяд, волосожары, утиное-гнездо; местами зовут так созвездие медведицу, юж. воз, причисли к ней полярную звезду, которая и представляет стожар, кол, вокруг которого ходит лось или лошадь на приколе, утиное гнездо, медведица, воз, кстати, собственно, «стожар — это кол, вокруг которого ходит лось или лошадь на приколе» (Даль В. Толковый словарь. — Т. 4. — С. 326).

54. «Млечный путь, пояс, моисеева дорога, белесоватая широкая полоса по небу, состоящая из несчетной бездны звезд» (Даль В. Толковый словарь. — Т. 2. — С. 334).

55. «Батысва дорога, тиб. тул. моисеева дорога, млечный путь» (Даль В. Толковый словарь. — Т. 1. — С. 54).

56. «ср. также свойственное ряду традиций представление звезд Плеяд как золотых яиц, несенных чудесной курицей или уткой» (Топоров В. Н. К реконструкции. — С. 85).

57. «Природа ангелов часто описывается через уподобление наиболее тонкому, легкому и подвижному в материальном мире — огню, ветру и особенно свету... В видении Иезекииля ангельские существа имеют облик огненных колес (Иезек. 1, 15—18; 10, 9—13). Старая традиция предполагала особую связь Ангелов со светилами небесными, и притом как по признаку огненности, так и по признаку стройности, размеренности, упорядоченности и стремительности движений» (Аверинцев С. С. София-Логос. — С. 30).

58. Клюев Н. Из записей 1919 года / Публ. А. Михайлова // Север. — 1992. — № 6. — С. 157.

59. Киселева Л. А. Поэма. — С. 60.

60. Мы уже упоминали, что наверхи избы украшались коньками и птицами. Многочисленны примеры гибридных образов коня-птицы в русской вышивке, подробнее см., например, в

ст.: Шангина И. И. Изображение коня и птицы в русской народной вышивке XIX — нач. XX вв.
 // СЭ. — 1972. — № 3. — С. 116-121.

СПИСОК ПТИЦ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ПОЭЗИИ Н. КЛЮЕВА

1. Аист	34. Зяблик	67. Рябчик
2. Алконост	35. Иволга	68. Сарыч
3. Альбатрос	36. Касатка	69. Селезень
4. Бекас	37. Клест	70. Синица
5. Беркут	38. Коршун	71. Сирий
6. Буревестник	39. Косач	72. Скворец
7. Витлук	40. Кречет	73. Снегирь
8. Воробей	41. Кряква	74. Сова
9. Ворона	42. Кува — красный ворон	75. Сойка
10. Габучина	43. Кукушка	76. Сокол
11. Гага	44. Кулик	77. Соловей
12. Гагара	45. Курица	78. Сорока
13. Галка	46. Куропатка	79. Стриж
14. Гамаюн	47. Куропь	80. Струфокамил
15. Глухарь	48. Ласточка	81. Сыч
16. Голубь	49. Лебедь	82. Тетерка
17. Горихвостка	50. Лещуга	83. Трясогузка
18. Грач	51. Лирохвост	84. Удавница
19. Гриф	52. Малиновка	85. Утка
20. Грызья	53. Морянка	86. Фазан
21. Гусь	54. Мошник	87. Феникс
22. Дребезда	55. Овсянка	88. Филин
23. Дрозд	56. Орел	89. Финист
24. Дрофа	57. Орлан	90. Финос-птица
25. Дупель	58. Павлин	91. Фламинго
26. Дятел	59. Паскарага	92. Фрегат
27. Естрафиль	60. Пеликан	93. Чайка
28. Жаворонок	61. Перепел	94. Чирок (чирята)
29. Жар-птица	62. Петух	95. Чирья
30. Желна	63. Пингвин	96. Цапля
31. Журавль	64. Подкожница	97. Щегол
32. Зарянка	65. Попугай	98. Ястреб
33. Зимородок	66. Птица-Обида	

36. КАЗУАР

„казуарши — журавлей“